

ЧЕГО НЕ ВИДИТ ЗРИТЕЛЬ

Афиша извещает, что спектакль областного драматического театра «Два цвета» начинается в 19 часов 30 минут. В назначенное время задрогнет, поплывет в стороны занавес, и перед притихшим залом актеры «завяжут узлы» сценического повествования. Но далеко не всех, кто создал этот спектакль, кто внес в него подлинное дыхание жизни, увидит зритель.

...Для костюмеров, или как их называют в театре «одевальщиц», подготовка к вечернему спектаклю начинается уже с утра. Внимательно просматривая длинный список костюмов, необходимых для сегодняшней постановки, Аиша Ивановна Шахова и ее помощница Вера Завалишнина подбирают нужные одежды. Собственно, можно было бы обойтись и без списка—спектакль идет сегодня сороковой раз, и костюмеры отлично знают все, что потребует, но—так вернее, точнее, ничего не забудется.

А забыть просто: около тридцати костюмов—от галстука и до шнурков для ботинок—нужно отобрать, разглядеть, словом, тщательно подготовить к назначенному времени, ограждая артистов от мелких неожиданностей. Скажем, герой пьесы Шурик Горяев в первой картине спектакля ожидает приезда любимой девушки, значит, он должен быть празднично одет, и Анна Ивановна тщательно утюжит его брюки.

Маленькая костюмерная тесна. Рядом с живописными отрешенными хулигана Репы в ней висят пышные одеяния Изольды, разместились одеяния разных веков. Глядишь на них—и представляешь творческий путь театра—от спектакля к спектаклю, от темы к теме.

— Вера, пора разносить костюмы!—говорит Анна Ивановна.

И вот уже весь сегодняшний «типаж» на руках костюмеров ползл по артистическим гримборнам.

В три часа дня оживает сцена. Это пришли рабочие сцены во главе с машинистом Михаилом Михайловичем Шалинским. Они «заряжают» спектакль, ведя весь сложный комплекс строительных работ. Именно—строительных. На возведенном ими мосту сегодня будут происходить большие события. Он должен быть прочным настолько, чтобы, не дрогнув, выдержать тяжесть по крайней мере 12—15 человек одновременно. Но рабочие сцены—не только мостостроители, они каменщики и мебельщики, электрики и садоводы.

— Девятую картину сюда!—пока-

зывает Шалинский, и на сцену вносятся декорации 9 картины. Все устанавливается на свое место, четко обозначенное на полу сцены.— Вся она испещрена значками, линиями, точками, понятными только для посвященных. И когда бы вы ни посмотрели спектакль, бочка перед кноском всегда будет стоять точно на одном и том же месте.

Машинист сцены переходит в зрительный зал, и теперь его команда слышится уже оттуда. Сейчас он—условный зритель и должен увидеть малейший беспорядок в оформлении сцены. Можете не сомневаться, если этот беспорядок есть—Шалинский обязательно заметит и устранил его.

— Второе сукно чуть выше. Еще. Так. Теперь третье... — то и дело раздается его голос.

А между тем к установке аппаратуры приступают уже и электрики-осветители. Им руководит Николай Яковлевич Стеганцев. В 1934 году тринадцатилетним мальчишкой пришел он в Липецкий театр и с тех пор лишь однажды оставил его стены—для того, чтобы сменить пассатижи электрика на автомат воина. Дорого обошлась Николаю Яковлевичу война—в боях с фашистами он потерял ногу. Но это не помешало ему вернуться к любимой работе.

Больше 50 осветительных приборов—подсветов, софитов, выносных и порталных прожекторов нужно проверить Николаю Яковлевичу и так установить, чтобы их луч в нужную минуту сосредоточил внимание зрителя на самом важном моменте сценического эпизода, чтобы свет сцены органически вошел в ткань повествования и своей неповторимой игрой незаметно воздействовал на эмоции зрителя. Поэтому, проверяя установку прожекторов, Стеганцев ходит по сцене, и занимая нужное место, командует:

— Первый портал на меня. Выше. Правее. Крепить. Проверить лампу!

И вслед за его командой ослепительно вспыхивает верхний, боковой или нижний, красный, желтый или зеленый луч.

— Полный свет,—снова командует Николай Яковлевич.

И вот уже сцена засеребрилась, заиграла яркими красками. Световое хозяйство в порядке. Теперь идет проверка звукоаппаратуры—магнитофонов, динамиков, дент. Все шумовое оформление спектакля записано на магнитофонную ленту и

в нужный момент включится в спектакль.

А время неумолимо бежит вперед, и вот уже часовая стрелка подходит к семи. В театр заходят первые зрители. Они спокойно прогуливаются в уютном, мягко освещенном фойе, не подозревая, какая напряженная работа кипит по ту сторону занавеса...

Проидемте теперь к центру управления сегодняшним спектаклем—к его «дирижерскому пульту». Здесь нас встретит помощник режиссера и главная двигательная пружина всего спектакля—Алексей Иванович Канаев. Он уже успел обойти все рабочие места, придирчиво проверил готовность каждой детали и сейчас спокойно следит за часами—строго рассчитана каждая минута. Канаев—старожил нашего театра, отдавший ему 23 года своей жизни.

— Я не только знаю, где вбит здесь каждый гвоздь,—шутит он,—но и знаю, как он вбит!

Вдумываясь в эти слова и невольно ловишь себя на мысли—какая огромная любовь к театру должна быть у этого пожилого человека, прошедшего не сотню—тысячи спектаклей и ни разу не показавшего зрителю. Успех, аплодисменты, похвальные рецензии—все это проходит мимо скромного, незаметного, на первый взгляд, труженика, от точной работы которого всегда зависит слаженность, целостность спектакля.

Алексей Иванович включает микрофон, соединяющий его со всеми цехами, и говорит:

— Товарищи, до начала спектакля осталось 30 минут. Проверяю.

— Алексей Иванович,—обращается к нему Стеганцев, подошедший доложить о готовности аппаратуры.— Вы, наверное, ошиблись—по моим часам осталось 35 минут.

Канаев улыбается:

— Вы же прекрасно знаете, Николай Яковлевич, что по театральным законам самые верные часы всегда у помощника режиссера... даже когда они неисправны.

В артистических гримборнах сейчас самое напряженное время—актеры с помощью молодого парикмахера Поли Аксеновой накладывают грим, подклеивают парики. Здесь же находится и костюмер Анна Ивановна. Она в последний раз осматривает костюмы уже на актерах, делает необходимые исправления. Их усилиями скромный и улыбающийся артист Ермаков

превращается в мрачного огненно-рыжего хулигана Репу, который уже первым появлением на сцене вызывает отвращение в зрительном зале.

Особо напряжены эти последние минуты у реквизиторов Риты Захаровны Селиховой и Нины Локотковой. Через их руки проходят все принадлежности спектакля: телефон на столе начальника милиции и папироска с коробком спичек в кармане Глухаря, рюкзак Кати и пепельница на столе в комнате Бориса—каждая деталь должна быть на месте.

— Сегодня для нас спектакль несложный,—рассказывает Рита Захаровна.— В течение двух часов мы готовим и устанавливаем всего около 100 наименований предметов.— А ведь бывает до 400 наименований! Вот тогда, действительно, трудно.

Из динамиков доносятся слова Канаева:

—Внимание. Все на места. Начинаю спектакль.

Еще минута—он последний раз осматривает сцену, проверяет, все ли актеры заняли места у выходов, и подает сигнал открывать занавес.

Спектакль начался. На сцене разворачиваются события, зритель следит за перипетиями пьесы, симпатизируя одним героям и осуждая других. А за кулисами все три часа спектакля идет напряженная, рассчитанная по минутам работа. Здесь и костюмеры, и реквизиторы, и парикмахеры. Вот Поля Аксенова растрепывает прическу актера Смирнова, играющего роль Федя Лукашова. А через минуту прическу нужно будет уложить снова. Актер сам не сделает этого—без зеркала может повредить грим. А там Анна Ивановна Шахова направляет пиджак Глухаря—от слишком резкого движения пиджак лопнул по шву. Виктор Кузнецов устанавливает дополнительный прожектор—он будет нужен в следующей картине. А суфлер? Ведь мы ни слова не сказали о том, с кем столетиями неразрывно связывалась жизнь театра, кто ранее казался самым неотъемлемым атрибутом сцены... Его нет. Нет вообще—спектакль идет без суфлера.

...Спектакль окончен. Опустел зрительный зал. А на сцене продолжают хлопоты. Сейчас нужно снова разобрать и уложить на свои места декорации, собрать костюмы, парики и реквизит. Поздней ночью, когда зритель уже возвратился домой, со сцены театра последним уходит пожарный.

К. ГУРЕНКО

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ
г. Липецк
4 ФЕВ 1960